

0366

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Желен Брукс

ПРОСТИ И НЕ ПРОЩАЙСЯ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Хелен Брукс

Прости и не прощайся

«Центрполиграф»

2012

Брукс Х.

Прости и не прощайся / Х. Брукс — «Центрполиграф»,
2012 — (Любовный роман – Harlequin)

Мелани выросла в приемных семьях, и это наложило отпечаток на ее дальнейшую жизнь. Несмотря на удачный брак с Фордом Мастерсоном, она не верит в счастье. Потеря ребенка приводит к тому, что она уходит от Форда, мучается сама и мучает его. А Форд делает все, что в его силах, чтобы удержать ее и вернуть к жизни.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хелен Брукс

Прости и не прощайся

Helen Brooks

JUST ONE LAST NIGHT

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Just One Last Night © 2012 by Helen Brooks

«Прости и не прощайся» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Глава 1

Мелани держала в руке письмо. Крупный, небрежный почерк. Буквы прыгали у нее перед глазами. Она зажмурилась, прежде чем прочитать написанное еще раз.

Просто немыслимо. Неужели Форд этого не понимает? Ей пришлось прочитать письмо трижды, чтобы убедиться в том, что она не спит. Она узнала его почерк сразу же, как только взяла почту, просунутую под дверь. Сердце подпрыгнуло. Наверное, он пишет о чем-нибудь, имеющем отношение к их разводу? Вместо этого...

Мелани сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Форд просит ее сделать кое-что для него. Ну, не совсем для него, а для его матери. Но это одно и то же. Они с Фордом не разговаривали несколько месяцев, и тут он со своим письмом... как гром среди ясного неба. Только Форд Мастерсон способен на такой театральный эффект. Он невыносим. Совершенно невыносим.

Она швырнула письмо на стол и стала распечатывать остальную почту, одновременно жуя тост и глотая кофе. Маленькая столовая служила также и кабинетом, что было не очень удобно, если она хотела пригласить друзей на ужин. Хотя времени для светских общений не хватало. С тех пор как она рассталась с Фордом спустя несколько недель после Нового года, Мелани все силы отдавала работе в фирме по ландшафтному дизайну. Эту фирму она открыла через год после их свадьбы, сразу после того, как...

В мозгу словно захлопнулись железные створки. То время было где-то там, куда ей нет пути. После ухода от Форда туда она ни разу не заглядывала. Так лучше.

Просмотрев корреспонденцию, Мелани допила кофе и поднялась наверх в крошечную ванную, чтобы принять душ и одеться, прежде чем позвонить Джеймсу, своему весьма дельному помощнику, чтобы согласовать с ним дневной график. Джеймс был прекрасным работником, энергичным и старательным. При этом он был хорош собой – отлично сложенный, мускулистый, смуглый, он привлекал женщин, которые роились вокруг него, словно пчелы у банки с медом. Он частенько появлялся утром несколько помятым. Однако это никогда не отражалось на его работе, поэтому Мелани не на что было жаловаться.

Одевшись в джинсы из денима и топ без рукавов, Мелани подвязала густые, длинные, пепельно-светлые волосы в хвост и смазала кожу солнцезащитным кремом, чтобы не обгореть, поскольку со своей чисто английской бледностью была этому подвержена. Сейчас, несмотря на август, даже в восемь утра было жарко.

Прежде чем спуститься вниз, она распахнула окно спальни, чтобы впустить аромат роз. Коттедж был небольшой: спальня и ванная наверху, внизу миниатюрные гостиная и столовая с дверью на кухню, которая выходила в крошечный дворик с садом. Но Мелани все это очень нравилось. Каменная ограда и стены дома скрывались под вьющимися розами и жимолостью. Дворик был вымощен плиткой, украшен цветочным бордюром. Хватило места для кофейного столика и двух стульев. По вечерам Мелани наслаждалась ужином на воздухе, вдыхая душистый аромат и слушая чириканье птиц, жужжанье залетевшей пчелки или лениво следя за полетом ночной бабочки. Этот маленький домик спас ее в те первые мучительные дни после того, как она сбежала из роскошного дома, в котором жила с Фордом.

Коттедж находился посередине ряда из десяти таких же домов, которые занимали в основном семейные пары или одинокие люди. Половина жителей приезжала на уик-энд из Лондона, чтобы укрыться в тихом месте, поскольку к юго-западу от столицы деревушки и городки все еще сохраняли старомодное очарование. Место, где жила теперь Мелани, находилось в шестидесяти милях от дома Форда в Кингстоне-на-Темзе. Мелани сочла это расстояние достаточным, чтобы случайно с ним не пересечься.

Конечно, у нее были сомнения, выживет ли ее едва зародившийся бизнес, когда она переедет. Но дела настолько процветали, что спустя пару месяцев она смогла нанять Джеймса. Правда, суть работы немного изменилась. Когда она жила в Кингстоне-на-Темзе, то была занята планировкой игровых площадок в городских условиях. Теперь это был большей частью садовый дизайн, общественный либо частный. А также озеленение ландшафта и мелиорация. Иногда они с Джеймсом работали с архитекторами, проектировщиками, инженерами и геодезистами. Все зависело от той работы, которую предстояло сделать. А в частных садах и загородных поместьях работали вдвоем. Конторская работа была неизбежна, как и посещение участков для проверки, если были задействованы бригады рабочих.

Поймав себя на том, что она уж слишком задумалась, Мелани отвернулась от окна и составила в уме план предстоящих на сегодня дел.

Джеймс должен был проследить за сносом бульдозером нескольких старых свинарников, на месте которых заказчик хотел разбить сад из диких цветов. Мелани предложила для этого лужайку из дерна, на которой цветы успеют дать семена до того, как их скосят.

И еще она собиралась сделать последние штрихи в регулярном саду, над которым они с Джеймсом трудились вот уже три недели. Эту собственность приобрели ушедший на пенсию управляющий банком и его жена. Они пришли в восторг от первоначального плана, предложенного им Мелани: аккуратная лужайка, окантованная выложенными плиткой дорожками, фруктовые деревья и необычной формы подстриженные кусты. Ненавязчиво и с большим вкусом.

Мелани обожала свою работу. Что может быть интереснее, как не воплощение собственных задумок, соединение замыслов клиентов с практическими возможностями? Это не всегда было просто, особенно если заказчик увидел свой идеальный сад на фото в журнале или в брошюре. Такой сад неминуемо оказывался больше или меньше, чем предложенный участок. Но вот в этом и заключалась сложность и привлекательность ее работы. Мелани улыбнулась — таких клиентов у нее было достаточно. Она спустилась вниз и задержалась у двери в столовую, поймав себя на мысли, что каждое слово в письме Форда отпечаталось в мозгу.

«Дорогая Мелани, прошу тебя об одолжении не для меня, а для Изабелл».

В этом весь Форд! Мелани бросила взгляд на письмо, лежащее на столе. Сердце у нее гулко застучало. Никакого вежливого приветствия, даже не написал «здравствуй». Прямо переходит к делу.

«Последнее время она плохо себя чувствует, а сад в Хиллвью слишком много для нее значит, хотя она этого и не признает. Сад нуждается в полной перестройке, удобной для нее, учитывая то, что ей почти восемьдесят. Беда в том, что она не позволяет даже садовнику войти на участок, поэтому у меня нет никакой возможности убедить ее впустить чужих людей. Но тебе она доверяет. Подумай об этом, хорошо? И позвони мне.

Форд».

«Подумай об этом»! Мелани покачала головой. Она не должна об этом думать, и звонить Форду она не собирается. Она настояла на том, чтобы между ними не было никаких общений, и не отступит от своего решения.

Мелани подошла к столу, разорвала письмо и конверт на мелкие кусочки и бросила в корзинку. Вот так. С этим покончено. У нее сегодня достаточно дел и без Форда и его нелепой просьбы.

Она стояла, уставившись в некуда. Что он имел в виду, когда сказал, что Изабелл плохо себя чувствует? Мелани представила милое лицо матери Форда, и сердце у нее сжалось. Ей было почти так же тяжело уйти из жизни Изабелл, как и из жизни ее сына, но Мелани знала,

что все нити, привязывающие ее к Форду, должны быть порваны. Она написала свекрови коротенькую записку, в которой выразила сомнения в том, что Изабелл ее поймет, но что у нее веские причины так поступить и что это не повлияет на искреннюю любовь и уважение, которые она, Мелани, питает к ней. Она попросила Изабелл не отвечать. Когда же получила ответ, то вернула письмо нераспечатанным. Мелани разрывалась пополам, сделав это, но сомнений в том, что она поступает правильно, у нее не было. Она не хочет поставить Изабелл в положение третьего лишнего. Изабелл души не чаяла в Форде, своем единственном ребенке. Мать и сын были очень близки, ближе, чем обычно бывает, потому что отец Форда умер, когда мальчик был еще подростком.

Зазвонивший мобильник вывел Мелани из задумчивости. Это Джеймс. На дороге случилась авария, и он сидит в пробке, которая растянулась на несколько миль. Он опаздывает и не сможет вовремя попасть на участок. Возможно ли, чтобы Мелани поехала туда одна и детально объяснила рабочим, что нужно сделать, а уж потом отправилась по своим другим делам? У них есть план на бумаге, но будет лучше, если они получают личные указания и начнут работу при ней.

Мелани согласилась. После истории с предыдущим заказом, когда снесли абсолютно крепкую оранжерею, а старую ветхую теплицу оставили нетронутой, Мелани не доверяла тому, как рабочие читают чертежи.

Вздыхнув, она мысленно пробежала все свои утренние дела и решила уехать тотчас, а уж потом заняться документами, которые надеялась просмотреть до того, как уйти из дому. Через несколько минут она уже ехала к ферме в своем старом пикапе. День обещал быть беспокойным, но это хорошо... потому что тогда у нее не будет времени думать о письме Форда.

День действительно выдался беспокойным. Мелани вернулась домой уже в полночь с солидным чеком в кармане от пожилой пары – они пришли в восторг от обновленного сада. Поставив пикап на мощенную булыжником парковку сбоку от коттеджей, Мелани прошла по узкой дорожке, тянувшейся вдоль задней части домов, к двери в увитой плющом стене. Дверь вела в ее крошечный садик. Она отперла ее и вошла в свой райский уголок покоя, вдыхая сладкий запах роз, украшавших стены. Она дома и хочет только одного – горячей ванны, где можно полежать и дать отдых уставшему телу. Ей настолько не терпелось закончить сегодня работу над проектом, что она даже забыла про ланч.

Мелани закрыла садовую калитку и вошла в дом, как обычно, через кухню. Рабочие ботинки она оставила на пробковом коврике у порога и прошлепала босиком наверх. Она распахнула окно в ванной комнате, чтобы впустить запахи из сада.

Спустя две минуты она лежала в горячей мыльной пене и смотрела на угольно-черное небо, на котором проглядывали первые звезды. Уже не один раз она порадовалась тому, что застройщики коттеджей обладали воображением, установив большую чугунную ванну под окном так, чтобы в ней можно было лежать и смотреть на постоянно меняющееся небо. Мелани не закрывала жалюзи до тех пор, пока не нужно было вылезти из воды, а в такие дни, как сегодня, было просто блаженством полежать в темноте и ни о чем не думать. Хотя как раз сейчас ей не удалось полностью расслабиться от преследовавших ее мыслей.

Выходит, что Форд весь день был с ней, как бы она ни старалась не думать о нем. А она очень старалась. Она не хотела никаких общений с ним, даже отдаленных. Не хотела, чтобы он присутствовал у нее в мозгу и беспокоил ее. Он, а также Изабелл – это прошлое. В настоящем – и тем более в будущем – им нет места. Это вопрос самовывживания.

Внизу зазвонил телефон, но там сработает автоответчик, и она решила еще понежиться. Мелани прикрыла глаза и глубже опустила в пышную пену, ощущая, как из уставших мышц уходит напряжение. Прошло несколько минут, и теперь послышалась мелодия из спальни – это звонил мобильник в кармане рабочих джинсов. Наверняка Джеймс с сообщением, как

прошел день. Мелани не стала вылезать из ванны. Сейчас ее личное время, а остальной мир может немного подождать.

Она полежала в ванне еще полчаса. За это время автоответчик успел получить два новых сообщения. Мелани вымыла голову, замотала влажные волосы пушистым полотенцем и облачилась в купальный халат. Желудок напомнил ей, что за весь день она съела всего два тоста за завтраком. Решив, что еда – прежде всего, она, как была в халате, спустилась вниз.

Едва ступив в маленький холл, она услышала громкий стук в переднюю дверь. Мелани от неожиданности вздрогнула.

Что еще такое? Это мог быть только Джеймс. У него какая-то неприятность, а связаться с ней по телефону он не смог. Конечно, сегодня вечером она хотела просто отдохнуть в одиночестве. Но, в конце концов, она – его начальство.

Изобразив улыбку, Мелани затянула пояс на халате и открыла дверь.

Высокий, под метр девяносто, мужчина, стоящий на пороге, явно был не Джеймс.

Ее прострелил ужас. Она замерла.

– Привет. – На грубовато-красивом лице Форда не было и намека на улыбку. – Я не вовремя?

– Что? – Мелани уставилась на него, не веря своим глазам.

Он выглядел замечательно. Белая рубашка, черные джинсы. Поджарый. Весь воплощение мужественности. Серо-голубые глаза под густыми, короткими черными ресницами пробежали по ее купальному халату.

– Ты... кого-то принимаешь?

Когда до Мелани дошел полный смысл его слов, ее бросило в жар, краска растеклась по щекам.

– Что ты сказал? – медленно и сухо произнесла она.

Форд немного успокоился. Значит, он ошибся. Но он целый день напрасно прождал ответа на свое письмо, а после того, как безрезультатно звонил ей несколько раз, решил выяснить, избегает она его или ее нет дома. Наверху в окне горел свет... а потом она появилась в дверях возбужденная и так одетая... или не одетая? Что ему остается думать?

– Я просто подумал, что у тебя гости, – сказал он, протискивая плечо в проем на случай, если она попытается захлопнуть у него перед носом дверь. – Ты не отвечала на звонки.

– Я поздно вернулась с работы и принимала ванну... – Мелани оборвала себя на полуслове. – С какой стати я тебе это объясняю? – рассердилась она. – И как у тебя хватает наглости предполагать, что я принимаю мужчину?

– Это было очевидно.

– Для тебя – возможно. Но не следует всех судить по себе. – Она продолжала сердито на него смотреть.

– Я пристыжен.

Его насмешливый вид стал последней каплей. Форд – единственный человек, который ее, всегда внешне выдержанную, мог вывести из себя.

Мелани воспитывалась в приемных семьях и рано научилась держать свои чувства в узде, но с Фордом у нее это не получалось.

– Уйди, пожалуйста, – натянуто произнесла она, пытаясь закрыть дверь, но ей мешало его плечо.

– Ты получила мое письмо?

По сравнению с ней он выглядел очень спокойным. Это просто оскорбительно! Так же как и его возмутительная инсинуация о мужчине у нее в постели.

Мелани кивнула, оставив попытки закрыть дверь.

– И?... – мягко продолжал он свой допрос.

– И что?

Он пристально смотрел на нее своими серо-голубыми глазами, которые умели заглянуть ей прямо в душу.

– Не притворяйся, что тебе все равно.

На секунду ей показалось, что он имеет в виду себя, но тут же поняла, что он говорит о своей матери. Гнев у Мелани угас.

– Как Изабелл? – тихо спросила она.

Он пожал плечами:

– Как всегда. Упрямая как осел.

Мелани едва удержалась от улыбки. Мать Форда была более мягкой копией своего решительного, непреклонного сына, но такая же упрямая. Изабелл всегда с удивительной любовью и участием относилась к Мелани. О такой матери Мелани всегда мечтала. От этой мысли заняло сердце.

– Ты сказал, что Изабелл плохо себя чувствует?

– Она упала и сломала бедро в своем чертовом саду, а потом во время операции у нее возникли проблемы с сердцем.

Мелани не на шутку забеспокоилась. Когда он сообщил в письме, что Изабелл нездорова, то она подумала, что у его матери грипп или что-то вроде этого. Но операция... Изабелл могла умереть, а она ничего не узнала бы. Сердце бешено заколотилось.

– Я... мне очень жаль, – прошептала она.

– А мне еще больше, – мрачно заметил Форд. – Она не желает делать то, что ей говорят, и, кажется, любой ценой хочет снова попасть в больницу. Отказывается переехать жить ко мне или в какой-нибудь санаторий. Она заявила, что, как только ее выпишут, она вернется домой, невзирая на мнение врачей. Единственная уступка с ее стороны – это позволить мне нанять постоянную сиделку, пока она снова не встанет на ноги. Да и этого удалось добиться с трудом. Она невыносима.

«И ты такой же», – подумала Мелани.

Форд вел бы себя точно так же в подобных обстоятельствах. Он был невыносимым и... самым сексуальным мужчиной на Земле.

Последнее соображение заставило ее потуже затянуть узел на поясе.

«Не смей показывать, как его появление на тебя действует, – молча приказала себе она. – Ты же знаешь – все кончено. Будь сильной».

– Мне очень жаль, – повторила она, – но, Форд, разве ты сам не видишь, что это нелепо – чтобы я выполняла какую-либо работу для твоей матери. Мы с тобой почти развелись.

– Это касается нас с тобой. Но это не должно отразиться на твоём отношении к Изабелл. Разве не так? Она, между прочим, очень расстроилась, когда ты отослала ей обратно письмо, не прочитав.

Удар ниже пояса. Но в этом весь Форд.

– Так было лучше.

– Да ну? Для кого?

– Форд, я не намерена стоять здесь и ругаться с тобой. – Мелани протрясла дрожь, хотя было тепло.

– Тебе холодно. – Он распахнул дверь, от чего ей пришлось отступить назад в холл. – Давай обсудим все в доме.

– Прости, но я что-то не помню, чтобы я тебя пригласила, – язвительно произнесла она. Хоть на это у нее хватило сил!

– Мелани, мы были женаты два года, и, если только ты не притворялась все это время, ты любила мою мать. Я прошу тебя о помощи ради нее. О'кей? Ты на самом деле отказываешься?

Два года, четыре месяца и пять дней, чтобы быть точной. И первые одиннадцать месяцев были раем. После этого...

– Пожалуйста, уходи, – слабым голосом произнесла она. – Нашим адвокатам это не понравилось бы.

– Ну их к черту. – Он взял ее за руку, отстранил и вошел в холл, закрыв за собой дверь. – Все они паразиты. Мне нужно с тобой поговорить – вот это важно.

Он был рядом. Совсем рядом. И его запах, такой знакомый, будил интимные и соблазнительные воспоминания. Ей сделалось жарко, сердце забилося так часто, что готово было выскочить из груди. Форд – единственный мужчина, которого она любила, и даже сейчас Мелани ощущала силу его шарма. Но она осталась тверда и сказала:

– Пожалуйста, уходи.

– Послушай, – мягко произнес он, – приготовь-ка лучше кофе и давай поговорим. Хорошо, Нелл? Я ни о чем больше не прошу. Ради Изабелл.

Он не касался ее, но Мелани вздрогнула. Суровая дисциплина, которой она научилась еще ребенком, помогла ей овладеть собой, услышав, как он назвал ее. Назвал придуманным им уменьшительным именем...

– Не стоит этого делать, Форд, – еле слышно сказала она.

– Наоборот, стоит.

Мелани смотрела на него. Огромная фигура в ее маленькой прихожей. Черные волосы падают на лоб. Она знала, что он не примет отказа. А учитывая его почти двухметровый рост и крепкие мускулы... Что сможет сделать она, хрупкая женщина, ростом всего-то метр шестьдесят? Едва ли она сможет выдворить его из дома. Мелани отвернулась и бросила через плечо:

– Видно, выбора у меня нет, – и направилась впереди него в крохотную гостиную.

Форд пошел следом, в душе удивляясь, что ему удалось так легко проникнуть к ней в дом. Но пока что выиграна лишь первая битва, и до победы далеко.

Он бегло оглядел комнату, где на каждой вещи была видна рука Мелани, начиная от двух мягких диванчиков с кремовой обивкой, штор в тон и толстого кофейного цвета ковра. А также старого, прекрасно отреставрированного викторианского камина с кучкой поленьев, лежащих рядом. Очень стильно и уютно. Модно, но не кричаще. Красивое продолговатое зеркало на противоположной стене делало комнату больше, но он не увидел ни единой картины или фотографии. Никаких личных штрихов.

– Садись, а я принесу кофе. – Она указала на диван. Сняв с головы полотенце, она вышла.

Но Форд не стал садиться, а пошел за ней на кухню, где стол завален файлами и бумагами, а на сушилке стояло несколько тарелок. Он готов держать пари, что она проводит большую часть времени работая.

Мелани обернулась, заметила его взгляд и сказала:

– У меня не было времени убраться сегодня утром, а накануне вечером я вернулась слишком усталой.

Форд выдвинул стул и уселся верхом.

– Можешь не извиняться.

– Я и не извиняюсь. Я просто объясняю, – отрывисто ответила она.

Не обращая внимания на ее враждебный тон, он с улыбкой сказал:

– Милое у тебя жилище.

Их взгляды встретились. По ее глазам было видно, что она не уверена, искренне он это сказал или нет. Но когда ее плечи немного расслабились, он понял, что она ему поверила.

– Спасибо. Мне здесь нравится.

– Кстати, Джанет просит передать тебе привет.

Джанет – это домработница Форда. Она приходила каждый день на несколько часов убирать и гладить, а также готовила ему ужин. Она обладала веселым и добродушным нравом, несмотря на бездельника мужа и троих детей, которых она практически содержала. Мелани

она очень нравилась. Джанет была с ней в тот день, когда случилось несчастье, и не отходила от нее до приезда скорой.

Мелани отбросила эти мысли, приказав себе не думать об этом. Не сейчас. Безжизненным тоном она сказала:

– И ей передай привет. – Чувствуя, что нужно выпить что-нибудь покрепче кофе, она открыла холодильник. – Есть вино, если не хочешь кофе.

– Прекрасно. Спасибо. – Форд поднялся и подошел к задней двери. – Может, мы посидим там? – спросил он, открывая дверь во дворик.

Мелани изо всех сил старалась не думать о том, что на ней под халатом ничего не надето. Но как же ей трудно, когда тело реагирует на него так, как всегда! Ему достаточно только взглянуть на нее, как кровь начинает бурлить в жилах, а все ее существо тает. Форд был одним из тех мужчин, которые обладали природным магнетизмом и мужественностью. Это было в его походке, улыбке, в каждом его движении. Высокий, широкоплечий, он производил неизгладимое впечатление. Мелани знала, что на его худощавом, мускулистом теле не было ни капельки жира, но что более всего притягивало любую женщину от шестнадцати до девяноста лет – это его лицо, немного грубоватое, чтобы быть конфетно-красивым, но очаровывающее своей привлекательностью. Резкие, угловатые черты, черные как смоль волосы, пронзительные серые глаза, выражение лица чувственное и одновременно насмешливое, а слегка искривленный рот добавлял ему шарма.

Динамит. Именно так одна из ее подруг назвала его, когда Мелани и Форд только начали встречаться. И подруга была права. Но динамит обладает огромной разрушительной силой, он опасен. Она пригладила ладонью густые шелковые пряди, чтобы хоть как-то привести себя в порядок. Взяв бутылку вина и бокалы, она вышла в тенистый дворик. Форд уже сидел за столом, вытянув длинные ноги и запрокинув голову – он смотрел на буйно цветущие розы, которые увили заднюю стенку дома. Розы вкупе с пахучими растениями в горшках наполнили теплый неподвижный воздух сладким запахом. Через месяц-другой погода начнет портиться и станет ощущаться первая осенняя прохлада.

В тот день, когда она ушла от Форда, шел снег. Прошло семь месяцев. Семь месяцев без Форда в ее жизни, в ее постели...

Мелани поставила бокалы на стол и осторожно села, натянув полы халата на колени. Ну почему она не сбегала наверх и не оделась? Но тогда это выглядело бы так, словно она ждет, что он останется, а она хочет, чтобы он ушел как можно скорее.

Она заставила себя не смотреть на него. Ей больно снова его видеть. Он заполнял ее сны каждую ночь с тех пор, как они расстались, а если не могла спать после эротических фантазий, то сидела здесь в темноте, когда все кругом спали.

– Как ты? – Глубокий бархатный голос вернул ее к действительности.

Мелани взяла в руку бокал и сделала большой глоток.

– Прекрасно. А ты?

– Великолепно. Просто великолепно. – Нельзя было не заметить сарказма в его голосе. – Моя жена уходит от меня, ссылаясь на какие-то непонятные разногласия между нами, а затем грозит мне запретительным судебным приказом, когда я пытаюсь заставить ее опомниться...

– Да ты названивал мне по сто раз в день, и я повсюду на тебя натыкалась, – прервала его она. – Ты вел себя как одержимый.

– А чего ты ожидала? Я знаю, что после несчастного случая все изменилось, но...

– Не смей. – Мелани вскочила на ноги, глаза ее сверкали. – Я не желаю это обсуждать, Форд. Если ты приехал для этого, то сейчас же уходи.

– Черт возьми, Нелл. – Он провел пальцем по волосам и тяжело вздохнул, борясь с волнением. Потом успокоился и холодно произнес: – Сядь и выпей вина. Я приехал, чтобы поговорить о саде в Хиллвью. О том, чтобы приспособить его для мамы. И все.

– Думаю, тебе лучше уйти.

– Прекрати.

Глаза его смотрели на нее с насмешкой, губы скривились.

– Ты действительно самый самонадеянный человек на всем земном шаре.

И к ее несчастью, самый неотразимый.

Форд пожал плечами:

– Я смогу с этим ужиться. Да и наша планета не такая уж большая. – Он глотнул вина. – Сядь, – снова произнес он, – и перестань изображать викторианскую героиню из плохого фильма. Дай мне возможность объяснить, как сейчас обстоят дела у мамы. А уж потом ты решишь, как тебе поступить. О'кей?

Она села. Что еще ей оставалось?

– Помимо сломанного бедра у нее проблемы с сердцем, Нелл. Но главная проблема – это она сама. На днях я застал ее за обрезанием кустов. Она тайком вышла из дому, когда сиделка была чем-то занята. Я предложил нанять садовника или самому заняться садом, но она и слышать об этом не желает. Сад зарос, и это ее расстраивает. Его необходимо благоустроить, и она неохотно с этим согласилась, а затем категорически отказалась пригласить, как она выразилась, каких-то олухов, которые будут везде бродить. Могу поспорить, что, как только сиделка ей больше не понадобится – а это произойдет недели через две, – она выйдет в сад и одному богу известно, чем это кончится. Я могу приехать и найти ее без сознания или того хуже. Как ты знаешь, там почти акр земли – для нее это слишком.

Он на самом деле был обеспокоен – Мелани это видела. Она смотрела на него, покусывая губу. Она знала, как сильно Изабелл любит свой сад. Когда они с Фордом еще были вместе, она с его матерью проводила много времени, работая на этом прекрасном участке вокруг старого дома. То, с чем Изабелл справлялась тридцать, двадцать, даже десять лет назад, теперь стало ей не под силу. Но Изабелл будет тосковать, потеряет надежду, если не сможет выходить в свой сад. Для сада необходим абсолютно новый план с упором на низких посадках, хотя и тогда, если оставить старые деревья, которые так любила Изабелл, ей придется согласиться нанять садовника, чтобы убирать опавшую листву и вообще наводить порядок. Маловероятно, что мать Форда пойдет на это...

Мелани медленно высказала вслух свои соображения.

– Мне, очевидно, нужно будет сделать оценку участка, но на будущее Джеймс, молодой человек, который у меня работает, весьма подошел бы. Он такой представительный и очень нравится пожилым дамам. – И молодым тоже, но этого Мелани не сказала. – Если Изабелл с ним познакомится, то, возможно, согласится, чтобы он приходил пару раз в месяц, чтобы убраться в саду, который я спроектирую.

– Значит, ты это сделаешь? – мягко спросил Форд. – Ты согласна?

Мелани подняла на него глаза. Что-то в его лице ее насторожило. Она играет с огнем!

– На определенных условиях, – поспешила уточнить она.

Черная бровь вопросительно изогнулась.

– Я мог бы догадаться. С тобой все не просто. О'кей, какие же это условия? Надеюсь, ничего чрезмерного?

Чрезмерной была обстановка – слишком интимная. Тишина, они одни в крохотном пространстве, душистый воздух, крупная фигура Форда совсем рядом и – и это не последнее обстоятельство – ее голое тело под халатом. Подобной ситуации она старательно избегала, пытаясь не видеть Форда последние мучительные месяцы. Да, ей не следовало впускать его в дом.

Мелани залпом допила вино и налила еще для храбрости. Бокал Форда был наполовину пуст, но он закрыл его ладонью, когда она хотела долить ему вина.

– Я за рулем, – коротко объяснил он и откинулся на спинку стула, заложив ногу за ногу. – Выкладывай свои условия. Не стесняйся.

Насмешка помогла ей. Она выпрямилась. Ей казалось, что она стоит на краю пропасти. Одно неверное движение, и она пропала.

– Но прежде... – Он нагнулся, взял ее руку, да так быстро, что она не успела отодвинуться, и сжал сильными пальцами кисть. Перегнувшись через стол, он спросил: – Ты все еще любишь меня, Нелл?

Глава 2

Форд Мастерсон весь в этом! Она должна была этого ожидать, быть начеку, потому что рано или поздно он застанет ее врасплох. Жесткость характера позволила ему в восемнадцать лет заняться недвижимостью, вложив в этот бизнес наследство, оставленное ему бабушкой. За шестнадцать лет фирма стала приносить многомиллионные доходы. Друзья считали его целеустремленным, непреклонным и бесстрастным. Враги награждали другими эпитетами, но даже они вынуждены были признать, что им лучше иметь дело с Фордом, чем с некоторыми мошенниками, работающими в этой сфере. Он мог быть безжалостным, когда того требовали обстоятельства, но его слово было надежным, что встречалось крайне редко в деловом мире, связанным с недвижимостью.

Мелани смотрела на лицо Форда, грубовато-красивое лицо, всего в нескольких дюймах от нее. В полутьме его глаза блестели как перламутр, но по ним ничего нельзя было понять.

– Форд, я же сказала, что не собираюсь обсуждать нас с тобой, – выдавила она.

– А я не прошу ничего обсуждать. Достаточно сказать «да» или «нет». – Черные брови насмешливо выгнулись.

Мелани покачала головой, и светлые волосы упали ей на лицо. Она выдернула руку из его пальцев.

– Это бессмысленно. Все кончено – у нас все кончено. Примирись с этим и живи дальше... как я. – И обозвала себя лгуньей.

– Ты так и не ответила на мой вопрос.

– Я не обязана отвечать. – Чтобы унять дрожь, Мелани взяла бокал с вином и сделала несколько глотков, надеясь, что рука не трясется. – Это – мой дом, не забывай. И правила устанавливаю я.

– Беда в том, что ты никогда не верила в счастливый конец. Ведь так, Нелл? – мягко спросил Форд.

Она вскинула голову, и он увидел, что она замкнулась. С ней так было всегда – спрятать свои мысли, отстраниться, но почти всегда ему удавалось пробить эту линию обороны, при помощи которой она обычно держала людей на расстоянии. Он знал, что у нее было нелегкое детство. Она осталась сиротой в три года и своих родителей не помнила. Вначале она жила с бабушкой по материнской линии, но когда та умерла год спустя, никто из других родственников не взял Мелани к себе. И последовала череда приемных родителей. Мелани для себя решила, что она трудный ребенок, сущее наказание. Когда Форд в нее влюбился, он хотел все исправить. И до сих пор хочет. Единственное препятствие – сама Мелани. А это очень трудное препятствие.

– Ты с первого дня нашего знакомства ждала, что мы расстанемся, – продолжал он все также спокойно. – Ждала, что у нас ничего не получится. Странно, что я сразу этого не понял – ведь было достаточно признаков.

– Я не понимаю, о чем ты, – сквозь зубы процедила она.

Он внимательно смотрел, как она допивает второй бокал вина. Ее голос и то, как она напряглась, говорили об обратном. Под маской сильной, деловой женщины, женщины с широкими взглядами, скрывалась другая Мелани. Испуганная. Он понял это в тот самый момент, когда пришел к мнению, что она никогда не верила, что они смогут начать заново. Она любила и доверяла ему – он это знал. Но он также знал, что эти чувства сделали ее ранимой и испуганной. Она была один на один со своими переживаниями всю жизнь до их знакомства – двадцать пять лет, – и эту прочную скорлупу трудно было разбить, но ему удалось. Она впустила его в свой мир. Правда, не очень далеко, а иначе они не находились бы сейчас в этой неразберихе.

– Вначале после несчастья я винил себя, – сказал Форд, – и ты это знаешь. Винил за то, что мы отделились, за то, что каждый разговор обрывался или перерастал в ссору. Глупо, но я не понимал, что ты приняла решение не допускать меня к себе, и даже ядерный взрыв ничего не изменил бы.

Она не произнесла ни слова. Сидела, словно высеченная из камня. Каменная статуя. Прекрасная, но бесчувственная.

– Несчастный случай...

– Прекрати называть это несчастным случаем, – безжизненным голосом прервала его она, хотя сама настояла на том, чтобы они назвали случившееся именно так. – Это был выкидыш. Я была настолько неосторожна, что упала с лестницы и убила нашего сына.

– Нелл...

– Нет. – Она подняла руку, заставляя его замолчать. – Давай посмотрим правде в лицо. Случилось это и ничто другое, Форд. Он родился слишком рано, и его не смогли спасти. Еще несколько недель, и все могло бы быть по-другому, но в двадцать две недели у него не было шанса выжить. Я должна была оберегать его, а я не справилась с этим.

Форд был рад, что она говорит об этом. Раньше она отказывалась это делать, заперев на замок свои чувства от него и вообще ото всех. С другой стороны, его ужаснуло то, что спустя шестнадцать месяцев она во всем винит себя. В то утро он ушел на работу. У нее немного кружилась голова, и она подольше полежала в постели. Джанет принесла ей поднос с завтраком около десяти часов, а в половине одиннадцатого Джанет услышала страшный крик и треск. Она бросилась из кухни в холл и увидела Мелани, лежащую внизу лестницы, а еда и поднос разлетелись в разные стороны.

Это был несчастный случай. Трагический, ужасный, но все же несчастный случай. Но когда через несколько часов их сын родился мертвым, Мелани ушла в себя. Он не смог ее утешить, да она фактически и не подпускала его к себе. Ему даже казалось, что она его ненавидит. Наверное, потому, что он напоминал ей о том, что они потеряли. Они продолжали жить – трудно и мучительно. Мелани с головой погрузилась в работу. Форд видел ее не больше часа каждый вечер. Он находился в аду. И все еще там пребывает.

Он хотел сказать, что несчастные случаи не редки, но это прозвучало бы банально. Форд встал и притянул к себе ее негнущееся, неподатливое тело.

– Ты отдала бы ему свою жизнь, если бы смогла, – тихо произнес он. – Никто не считает тебя ответственной за то, что случилось, Нелл. Разве ты не видишь?

У Мелани вырвалось прерывистое дыхание.

– Пожалуйста, уйди.

Какая она хрупкая, тоненькая, слишком худенькая! Она пошатнулась и побледнела, словно вот-вот потеряет сознание.

– Что с тобой? Тебе плохо? – спросил он, и по ее неподвижному взгляду понял, что она держится за него, боясь упасть.

– Я... кажется, немного опьянела, – пробормотала она. – Я сегодня не обедала и сейчас не успела поесть, а два бокала вина...

Черт, он согласен напоить ее, чтобы разбить железный щит, за которым она укрылась! Стараясь, чтобы голос у него звучал мягко, он произнес:

– Пойдем в дом, я тебя чем-нибудь накормлю.

– Нет, я сама. Я... я тебе позвоню.

Но никакая сила не заставит его уйти отсюда прямо сейчас, когда они начали разговаривать – по-настоящему начали – впервые после смерти Мэттью. Его прострелила боль, когда он вспомнил про сына, такого малюсенького, но уже полностью оформившегося человечка. Форд взял себя в руки. Ничего не говоря, он повел ее в дом. Усадив Мелани на стул в столовой, он прошел на кухню. Она не протестовала. Он открыл холодильник и повернулся к ней.

– Я смогу приготовить вполне сносный омлет с сыром. – Форд замолк, увидев, как у нее по лицу текут слезы.

Выругавшись себе под нос, он подошел к Мелани, поднял на ноги и обнял, шепча ей все те слова, которые давно хотел сказать. Что любит ее, что она для него – все, что жизнь без нее – ничто и что она не виновата в несчастном случае...

Мелани прильнула к нему. Преграды рухнули, и она впитывала в себя его силу, знакомый мужской запах. Он ей необходим. Как никогда раньше. Она никого больше не любила и знала, что не полюбит. Форд – все, чего она когда-либо хотела. В глубине сознания пронеслась мысль, что она должна от него отстраниться, но какое же чудо быть в его крепких руках после всех этих одиноких месяцев! Она подняла голову и посмотрела на его лицо, красивое, с резкими чертами, и прошептала:

– Поцелуй меня. Покажи мне, что ты меня любишь.

Он приник ртом к ее губам нежным, легким поцелуем, а она в ответ разомкнула губы, требуя поцелуя другого – крепкого и чувственного.

Она почувствовала, как он застыл, потом отбросил сдержанность и начал целовать ее с одержимостью утопающего, терзая ее губы страстными поцелуями. Ноги ее не касались пола, он прижимал ее к груди, не на секунду не отрывая рта от ее губ. А она обмякла в его объятиях. Все мысли о том, чтобы уйти, исчезли.

Их интимная близость всегда была такой, о чем можно только мечтать, а она обходилась без Форда так долго. У Мелани кружилась голова. Ей необходимо снова ощутить его руки, его губы на своем теле, ощутить его внутри себя...

Она едва сознавала, что Форд несет ее наверх по лестнице, потом она оказалась на пахнущих свежестью простынях постели, а он – рядом с ней. Темноту нарушал только слабый свет из окна. Не переставая целовать ее, Форд скинул одежду, снял с нее халат. Он ласкал жарким губами ей шею, впадинку под ухом, рот. Она застонала. Он ей нужен. Необходим.

– Моя красавица, моя несравненная любовь, – бормотал он.

В голове у Мелани не осталось ни одной ясной мысли. Все, чего она хотела, – это быть с ним рядом. Сила его страсти захватила и ее. Их тела извивались, готовые поглотить друг друга. Когда он погрузился в нее, она выкрикнула его имя, и ее тело сотряслось в унисон с ним. Волны невыразимого наслаждения бросили их в океан чистых, ничем не замутненных ощущений, где не было ни прошлого, ни будущего, лишь настоящее, где господствовали слепящий свет и обжигающий жар.

Форд продолжал держать ее в своих объятиях, даже когда бешеный бег их сердец утих, а дыхание сделалось ровным. Он шептал нежные слова, а Мелани с закрытыми глазами лежала в кольце его рук, как это бывало раньше много раз после ночи любви. Она тихо вздохнула и через минуту уже крепко спала. Это был глубокий сон от изнеможения.

Глаза Форда привыкли к полумраку. Он приподнялся на локте и глядел на нее, впитывая каждую черточку ее лица. Кожа – молочная с легким розовым отливом, веки белые как слоновая кость, с темными ресницами под тонкими, изогнутыми бровями, пухлые губы. Он осторожно убрал светлую шелковую прядку с ее лба. Неужели то, что произошло час назад, было реальностью?

У него были женщины до Мелани. Когда он увидел ее на свадьбе друзей, то подумал, что хочет спать с ней, получить удовольствие от ни к чему не обязывающих отношений. Но после их первого свидания он влюбился, влюбился безумно, чего с ним до того не бывало. Они поженились через три месяца, в день ее рождения – ей исполнилось двадцать шесть лет, – и провели долгий волшебный медовый месяц на Карибах. Впервые в жизни он понял разницу между сексом и любовью, понял, что уже не захочет никогда разлучаться с этой женщиной.

Они вернулись в Англию, где Мелани занялась основательной переделкой особняка в Кингстоне-на-Темзе, придав его холостяцкому дому недостающий уют. Когда они поженились,

она отказалась от работы у садового подрядчика. Мелани хотела сразу завести ребенка, и Форд не возражал – то, чего хотела она, хотел и он. Он знал историю ее жизни, знал, что у нее никогда не было семьи и родных, понимал, как сильно она хотела собственных детей – плод их любви.

Форд сосредоточенно смотрел на спящую Мелани. Вот чего он не понимал – тогда не понимал, – это то, что ее нетерпение завести настоящую семью обуславливалось прежде всего страхом. Она была похожа на обездоленного ребенка, который, попав в кондитерскую, запикивает в рот как можно больше сладостей, потому что боится, что вскоре его выгонят на холодную улицу.

А потом у нее произошел выкидыш.

Он подавил стон и закрыл глаза при мысли о том ужасном времени.

Тогда все изменилось. Мелани изменилась. В тот день он почувствовал, что потерял жену, как потерял ребенка. Сначала он не сомневался в том, что пробьется к ней своей любовью, но шли недели, а затем месяцы, а стена, которую она воздвигла между ними, оказалась непробиваемой, и он начал беспокоиться. Как-то вечером он вернулся домой и понял, что она ушла – не было ее одежды, туфель, туалетных принадлежностей, все ее вещи исчезли. Он прочитал оставленную ему записку – она хочет развода. Он почти не удивился. Его душил гнев. Как она могла оставить его, когда ничто на свете не заставило бы его покинуть ее? В ту ночь он был не только в отчаянии – он боялся за нее.

Мелани пошевелилась, плотнее прижимаясь к нему. Голова ее лежала у него на груди, а волосы веером рассыпались у нее по лицу. Он крепче обнял ее, такую маленькую, хрупкую, такую юную. Но в чем-то это впечатление было обманчиво. Она ушла от него и устроила по-новому свою жизнь и уже не один месяц прекрасно справляется сама.

А он... Он просто существует, и все.

Он не ожидал того, что только что произошло у них. Будет ли она утром сожалеть об этом? Он потерся подбородком о шелк ее волос. Черт, он должен быть уверенным, что она не пожалеет об этом. Во время одной из яростных ссор он сказал ей, что никогда ее не отпустит. И он был в этом тверд. Но он также не мог не видеть, что она дошла до предела и душевно, и физически. Тогда он перестал давить на нее. Но, может, уже хватит? Сегодняшняя ночь доказала, что она все еще его хочет, чего бы она ни думала по поводу их брака. А это начало.

Мелани спала, а он неподвижно лежал в темноте. Он – человек с острым, пронизательным умом. Это позволило ему сделать рывок из неизвестности к баснословному состоянию всего за несколько лет. И сейчас он анализировал каждое слово, каждый жест, каждое объяснение, каждый их с Мелани поцелуй. Небо начало светлеть, а он все лежал и думал, продолжая прижимать к себе Мелани.

Форд погрузился в сон лишь после того, как умолк хор птиц, чириканьем встречавших зарю.

Глава 3

Солнце уже стояло высоко, когда Мелани открыла глаза. Это был первый крепкий, глубокий сон после того, как она ушла от Форда. Очнувшись, она вспомнила, что было прошедшей ночью. И в ту же секунду осознала, что лежит, прижавшись к источнику ее умиротворенного состояния.

Форд!

От ужаса она замерла. А если Форд сейчас проснется? Щекой она чувствовала его ровное, размеренное дыхание. Осторожно приподняв голову, она удостоверилась, что он крепко спит.

Мелани медленно освободилась от его рук, не сводя глаз с лица. С таких знакомых черт, морщинок и складочек. Во сне он казался моложе, почти мальчиком. Прямой нос, высокие скулы, рот, чувственный даже без улыбки, на подбородке темная щетина. На очень твердом подбородке. Таком же твердом, как и его обладатель.

Господи, неужели она была настолько глупа, что снова спала с ним? Дыхание застряло в горле, живот стянуло. И вино здесь ни при чем. Она хотела его болезненно и страстно с тех пор, как они расстались. Вот в чем дело.

Но она в нем не нуждается, решительно сказала себе она. Она доказала это. Разве она семь месяцев не прожила без него и вполне справлялась?

Она едва выжила, потеряв Мэттью. Ей хотелось тогда умереть от горя и чувства вины. Она не хотела больше находиться в том месте, где что-то подобное могло снова случиться.

Мелани тихонько встала с кровати. Ее трясло. Дрожь от живота растекалась по рукам и ногам. Она должна уйти из дому до того, как Форд проснется. Это трусливо, нечестно и эгоистично, но она должна. Она слишком его любила, чтобы дать надежду на то, что их брак сохранится. Все кончено, умерло, сгорело без малейшего шанса на воскрешение. Этот шанс умер в тот самый момент, когда она начала падать с лестницы.

Тихо, как мышка, она подобрала одежду.

Очутившись на кухне, Мелани быстро оделась, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги наверху, затем написала ему записку, ненавидя себя за жестокость, но зная, что если она увидится с ним этим утром, то зальется слезами, а вся эта печальная история только усугубится.

«Форд, я не знаю, каким словами выразить, насколько я сожалею о том, что случилось. Во всем виновата я, мое поведение прошлой ночью непростительно».

Мелани на секунду застыла, в животе образовался ком. Какие слова подобрать, чтобы они не звучали слишком жестоко?

«Я не смогу ни с кем быть вместе, и это не имеет отношения лично к тебе. Повторяю – дело во мне. Буду честной, я полна решимости относительно развода, но тем не менее займусь садом Изабелл. Позвони мне сегодня вечером. Но больше никаких визитов. Это основное условие».

Мелани снова застыла. Как закончить подобную записку? Особенно после того, как они вместе спали.

Навернувшиеся слезы зажгли глаза, но она их сморгнула и закончила:

«Надеюсь, что когда-нибудь ты сможешь меня простить».

Нелл».

Она подписалась уменьшительным именем. Хотя эту интимность она ему подарит. Она – низкое и подлое существо! Он пытался утешить ее вчера, а она практически умолила его лечь с ней в постель. Она сама все это спровоцировала.

Прокравшись наверх, она положила записку поверх его разбросанной по полу одежды, которую он лихорадочно срывал с себя прошлой ночью. На него она не смотрела. У нее не было на это сил.

Только когда она отъехала от дома, слезы потоком полились из глаз. Она разглядела среди деревьев придорожную стоянку, остановилась и выключила мотор.

От угрызений совести и самоосуждения несчастье ощущалось еще болезненнее, и она рыдала до тех пор, пока не осталось слез. Потом вытерла глаза, высморкалась и вышла из машины, чтобы успокоиться на свежем воздухе. В листве деревьев вокруг стоянки чирикали птички. Мелани подняла наверх глаза и посмотрела на стайку воробьев. Жизнь для них так проста. И для всего животного мира. Это только люди, высшие существа, все усложняют.

Кожа еще хранила запах Форда, а губы – вкус его губ. Обхватив себя руками, она вспоминала их ночь любви, его плоть внутри себя, вспоминала, как он вознес ее к небесам. Как уснула, положив голову ему на грудь и слыша ровное биение его сердца. Она словно вернулась домой – а это было не менее приятно, чем их физическая близость.

Мелани выпрямилась и упрямо сжала губы. Она не станет об этом думать. Еще рано ехать на ферму, где их с Джеймсом ждала работа, но по пути находилось кафе, которое должно быть открыто. Она поедет туда и позавтракает.

В кафе был всего один посетитель, водитель грузовика, который читал газету, запихивая еду в рот. Мелани заказала себе пару сэндвичей с ветчиной и чай и направилась в дамскую комнату, где заперла за собой дверь. Там, помимо уборной, оказался старый умывальник с потрескавшимся зеркалом. Уходя из дому, Мелани как следует не причесалась, не приняла душ и зубы не почистила. Она разделась и вымылась куском высохшего зеленого мыла, такого же древнего, как и умывальник. Потом извлекла из ржавого дозатора бумажные полотенца и вытерлась. Быстро одевшись, она расчесала волосы и завязала их в хвост, но прежде смазала кожу кремом от солнца, который всегда держала в сумке. С чисткой зубов придется повременить.

Она уже собралась уйти, как бросила взгляд в зеркало и замерла. Неужели Форд увидел то, что увидела она? Неизбывную тоску в глазах. Но намного хуже другое. Он поэтому остался и переспал с ней? Он ясно заявил, что приехал по одной-единственной причине – поговорить о ее работе в саду Изабелл. Выходит, что он ее пожалел. Он не приближался к ней с тех пор, как она пригрозила ему запретительным судебным приказом. Может, после этого он встречается с другими женщинами?

Мелани стало тошно на душе. Она вышла из туалета и вернулась в кафе. Водитель грузовика уже ушел, но появилась группа байкеров. Они уселись за тремя столиками, галдели и смеялись. Заметив, как они посмотрели на нее, она поторопилась опустить голову. Эта компания в кожаных куртках и татуировках на всех видимых частях кожи немного пугала, как и их громадные мотоциклы, припаркованные около ее старенького пикапа.

Официантка принесла ей сэндвичи и чай, и Мелани, как можно быстрее поела, выпила чашку чая, встала и пошла к двери. Вдруг кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась – высокий бородастый байкер протягивал ее сумку.

– Ваша сумочка, – сказал он.

Мелани сообразила, что оставила сумку на спинке стула.

Парень прищурился и спросил:

– Вы в порядке?

– Да, да... благодарю вас, – пробормотала Мелани, чувствуя себя страшно неловко.

– Уверены? – Голубые глаза по-доброму смотрели на нее из-под густых бровей.

Мелани с трудом улыбнулась.

– Все в порядке. Спасибо за сумку, – сказала она, подумав о том, что получила урок, как не следует по внешности судить о людях.

Парень усмехнулся:

– У меня большой опыт. Моя девчонка такая же рассеянная.

Уже на дороге Мелани подумала о том, что на вопрос байкера, все ли с ней в порядке, честный ответ был бы «нет». А сможет ли она когда-нибудь ответить на такой вопрос «да»? Но тут нет ничьей вины, кроме ее собственной. Ей следовало хорошенько подумать, прежде чем выходить замуж за Форда, и стать как все. Она – не такая, как все.

Мелани проехала мимо молодой мамы, которая везла ребенка в прогулочной коляске, и больно закусила губу. Ей до сих пор тяжело смотреть на матерей с детьми. Словно сердце проткнул нож.

Всю жизнь все, кого она любила, уходили от нее самым трагическим образом. Сначала родители, затем бабушка, даже лучшая школьная подруга – единственная, потому что Мелани не была общительным ребенком, – утонула, когда отдыхала на каникулах с родителями за границей. Мелани не могла забыть охвативший ее ужас, когда директриса сообщила учащимся о смерти Пэм. Тогда Мелани подумала о том, что Пэм погибла из-за дружбы с ней.

Зачем только она вышла замуж за Форда и захотела иметь от него ребенка! Она искала судьбу, полагая, что удастся уйти от неизбежного. А в результате сердце Форда было разбито так же, как и ее. Она никогда не забудет его лицо, когда он держал в ладонях крохотное детское тельце. И в тот момент она поняла, что должна отпустить его, освободить от себя, чтобы он нашел счастье в другом месте. Форд сказал прошлой ночью, что она отдала бы свою жизнь за Мэттью, если бы могла, и он прав. Но она не смогла этого сделать, а вот защитить Форда от еще большего страдания сможет, если уйдет из его жизни. Как только их разведут, она уедет, далеко уедет, возможно даже за границу, а со временем он встретит кого-нибудь, с кем свяжет свою жизнь. Женщины из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя его внимание, а он – страстная натура. Чего бы это ей ни стоило сейчас, она поступает правильно, думая о будущем. И прошлая ночь больше не повторится!

Придя к окончательному решению, Мелани почувствовала себя немного лучше. Чтобы сделать добро, она должна быть жестокой. Это единственный выход.

Форд не успел открыть глаза, как его охватило дурное предчувствие. Он не сразу сообразил, где он, а когда вспомнил, то повернулся посмотреть на Мелани и не увидел ее. В доме царила тишина, ни из ванной, ни снизу не доносилось ни малейшего звука. Затаив дыхание, Форд прислушивался, но ничего не слышал. Посмотрел на часы – стрелка перешла на цифру «девять». У него вырвалось проклятие. Почему он не проснулся раньше ее? Он вскочил с постели и пригладил ладонью спутанные волосы. Черт, как он мог это допустить? Но, может, она завтракает в саду, где они сидели вчера вечером?

Не потрудившись хоть что-то на себя надеть, он сбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Но, даже не открыв еще заднюю дверь в садик, купающийся в солнечных лучах, он почувствовал, что Мелани там нет. Миниатюрный коттедж был пуст. Без ее присутствия казалось, что из дома исчезла душа.

Обругав себя, он вернулся в спальню и тут увидел листок бумаги поверх своей одежды. Кремовый листочек. Это была записка. Усевшись на край кровати, он стал читать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.